

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.22>

Рябцев Сергей Викторович, Кириллов Павел Евгеньевич

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИФА

В статье анализируется процесс функционирования и воспроизводства в общественном сознании мифологически оформленных представлений, задающих идеализированные модели жизнедеятельности. Отмечается, что для комфортного социального взаимодействия посредством темпоральных трансформаций мифологий производится когнитивная и фактологическая достройка социальной реальности. Определяется роль фактора времени в конструировании актуальной мифологии. Вводится понятие видимого, наблюдаемого мифа, воплощенного в социальных практиках. Делается вывод о значительных возможностях темпорально организованной социальной мифологии в процессе воспроизводства социальных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/8/22.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 113-117. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Коломийцев В. Ф.** Социология Герберта Спенсера [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/475/176/1217/004.KOLOMYITSEV.pdf> (дата обращения: 01.05.2019).
5. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
6. **Панов П. В.** Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 230 с.
7. **Равочкин Н. Н.** Политические и правовые институты древности и Средневековья в контексте политической философии // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 79-92.
8. **Равочкин Н. Н.** Синкретизм политики и права в институциональном проявлении: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. № 6 (103). С. 35-39.
9. **Розов Н. С.** Испытание на гуманность социальных порядков в мировой истории: эскиз исследовательской программы // Философия и общество. 2018. № 1 (86). С. 37-57.
10. **Розов Н. С.** Механизмы циклов в политике и экономике: общность моделей // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 119-131.
11. **Сухарев О. С.** Методологические основы институционального анализа: старая, новая школы и мейнстрим // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 41 (179). С. 7-24.
12. **Ткачев Д. Ш.** Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 78-91.
13. **Stinchcombe A. L.** Stratification and Organization: Selected Papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 390 p.

INSTITUTION AS AN OBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin Nikita Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Kemerovo State Agricultural Institute
nickravochkin@mail.ru

The article substantiates the relevance of addressing the issue of public institutions. Relation between social order and the effectiveness of institutions functioning in the conditions of modern dynamics is argued. Scientific novelty of the research consists in transferring the notion “institution” from the prevailing economic discourse to the philosophical one. The author considers the vital syncretism of political and legal institutions. The researcher’s conclusions are based on the facts of civilization contours adoption by politics and law and the determination of benefits from the rules that are established by institutions to deter behaviour in the areas under consideration.

Key words and phrases: institution; social institution; political and legal institution; society; order; social interaction.

УДК 115:316.3

Дата поступления рукописи: 27.05.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.22>

В статье анализируется процесс функционирования и воспроизводства в общественном сознании мифологически оформленных представлений, задающих идеализированные модели жизнедеятельности. Отмечается, что для комфортного социального взаимодействия посредством темпоральных трансформаций мифологий производится когнитивная и фактологическая достройка социальной реальности. Определяется роль фактора времени в конструировании актуальной мифологии. Вводится понятие видимого, наблюдаемого мифа, воплощенного в социальных практиках. Делается вывод о значительных возможностях темпорально организованной социальной мифологии в процессе воспроизводства социальных отношений.

Ключевые слова и фразы: социальный миф; темпоральность; перцептуальное время; концептуальное время; видимый миф; картина реальности.

Рябцев Сергей Викторович, к. филос. н., доцент
Кириллов Павел Евгеньевич, к. филос. н., доцент
Государственный университет «Дубна»
matilda-9972@mail.ru; kirillov_pe@mail.ru

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИФА

Рассмотрение процесса воспроизводства социально значимой мифологии предполагает учет особенностей самосознания социальных групп, так или иначе адаптирующихся к изменениям картины реальности. Важной проблемой, объединяющей все без исключения аспекты исследования социально-мифологических превращений, становится адаптивный по сути и в то же время противоречивый процесс формирования в представлениях пользователей социума интервальной картины времени-длительности, его ритмической организации. Эти обстоятельства делают исследование адаптивных возможностей социального мифа **актуальным. Целью и задачами** исследования становится выявление темпоральных возможностей мифомышления, в связи с чем

анализируется ряд источников, затрагивающих пространственно-временные аспекты организации социума. Решается задача раскрытия в социальном мифе возможностей пространственно-временных интерпретаций действительности и контекста, в котором участники социума непрерывно или дискретно воспроизводят комфортную для себя картину реальности, изменчивую и подверженную влиянию ряда факторов. Поскольку обобщение и анализ социальных и философских теорий, затрагивающих пространственно-временные трансформации общества в контексте темпорального потенциала социальной мифологии, проводятся впервые, статья обладает необходимым уровнем **научной новизны**.

Во-первых, проявляются проблемы сопряжения традиции и представлений о будущем, где, с одной стороны, общественное сознание обнаруживает истоки современности в прошлом, а с другой, – настойчиво пытается прогнозировать будущее. Оно находится в постоянном поиске смысловых, символических предпосылок перехода от настоящего к будущему. В условиях принципиальной и нарастающей информационной избыточности получатели очередной порции времени и пространства встают перед необходимостью упорядочения, обретения логической стройности событий [16, С. 510]. Концептуализация сложнопереплетенных эпизодов эпических или локальных повествований (мифов) требует постоянной фактологической адаптации и когнитивного подкрепления [15, р. 28].

Во-вторых, рост объемов знания, значительный поток новой информации, изменчивость и усложнение институциональных и групповых форм жизни приводят участников социальных отношений, пользователей медиа к своеобразному «цейтноту» и поиску резервов времени. В этом случае пользователям социума, оказывающимся в ситуации дефицита определенности, приходится достраивать, дополнять картину действительности посредством мифологизма, позволяющего параллельно и одновременно встраивать событийные ряды в комфортную пространственно-временную реальность. Иначе говоря, общезначимость и объективная предопределенность конкретных мифологий, вероятно, предопределена изменчивостью, незавершенностью и необходимостью перманентной темпоральной достройки объектного мира, где «объекты, даже получившие уже материальное воплощение, должны пониматься и как развертывающиеся структуры отсутствия, как объекты, которые постоянно мутируют во что-то иное и определяются как то, чем они не являются» [7, с. 118].

В-третьих, пользователям социума необходимо «овеществлять», конструировать и достраивать социокультурную и институциональную реальность. И в таком случае инструментом комфортной типизации опыта прошлого, способом перевода непроблематизированных явлений в актуальную действительность становится темпорально организованные мифологии, если учесть, по словам А. Шюца, что «все объекты культуры – инструменты, символы, языковые системы, миры искусства, социальных институтов и т.д. – своим происхождением и значением указывают на деятельность человеческих существ» [12, с. 13]. Конструирование актуализированного опыта из «прошлого» характерно, видимо, для обществ всех типов, но именно темпорально оформленные мифологии позволяют обуздывать экспоненциальный рост количества информации, выступая, говоря техническим языком, своеобразным «протоколом» упорядочения прошлого в будущем.

В-четвертых, имея в виду адаптивные возможности социальной мифологии, невозможно обойти проблему формирования концептуального и перцептуального времени и пространства для участника социальных отношений. Актуальным представляется выявление и пространственных интерпретаций действительности, и того, насколько они являются следствием идеализированных и типизированных в мифе картин времени-длительности. Особенности мифологических переходов в триаде прошлое-настоящее-будущее связаны с феноменом возобновляемой остановки развития, выдавливанием из актуальной действительности исторической реальности. Универсальность мифо-адаптивных процессов предполагает вычеркивание уже использованных возможностей прошлого и формирование смысловых предпосылок социального взаимодействия посредством своеобразного когнитивного автоматизма мышления. То, что К. Леви-Стросс сформулировал как «неолитический парадокс», заключающийся в том, что при возможностях возникновения науки в неолите она была создана спустя тысячелетия, на протяжении которых не наблюдалось совершенствования интеллектуальных возможностей человека [8, с. 249]. Целиком обращенное в прошлое раннее человеческое мировосприятие в преобразованном и технологически модифицированном виде сохраняется, а медиатизированные мифологии воспроизводят эту черту и в наше время. Нынешний социум с его почитанием памятных мест и событий, архивов и древностей вполне, следуя К. Леви-Строссу, может сравниваться с актуальностью прошлого для австралийских аборигенов, которые чтят священные предметы – чуринги с тем, чтобы воспроизводить родовое наследование – воспоминание. В структурализме опровергается точка зрения, согласно которой между мышлением дикаря и современного человека существует непреодолимая пропасть. Даже современный научный дискурс отсылает нас к первобытной культуре, когда автор исследования по традиции начинает изложение истории ссылками на предшественников. Как универсальная форма интерпретации действительности, миф по сути представляет собой священную правду, истину для социальной группы или всего общества, идеальную модель жизнедеятельности, взятую из прошлого и позволяющую синхронно и непротиворечиво интерпретировать действительность, связанную с сакрально-неизменным. В таком случае новшества, противоречия медиатизированных событий настоящего, включенные в мифологический механизм распознавания и декодирования реальности, могут включать и всю совокупность социальных изменений. По словам исследователя политических мифологий К. Флада, «картина мира может включать исторические изменения, но они все равно играют подчиненную роль, поскольку включаются в исторические циклы, только более длительные» [11, с. 33]. Реализуемый в мифологии опыт прошлого воспринимающего субъекта в таком случае определяет формирование новых систем отношений между элементами социальной системы. Универсальность дуально организованной мифологической композиции предоставляет пользователям социума компетенции

для относительно свободной интерпретации и комбинирования внешне разнородной информации. Объективированное в мифосюжетах императивно-атрибутивное состояние сознания участников отношений позволяет разномасштабным элементам социальной системы как на микро-, так и на макроинституциональном уровне комфортно извлекать совершенно внешне различные идеи, образы и чувства.

Забывтое, ушедшее время получает возможность восстанавливаться в своей целостности, а «человек становится «соучастником» упоминаемых событий, современником богов или героев» [14, с. 45]. Вероятно, поэтому информационная емкость и значительный потенциал декодирования значимых смыслов в мифологиях позволяют совершать пользователям перцептуального пространства-времени бесконечные переходы от одного слоя времени к другому. Информационные посылки мифосюжета, равно как и конечные результаты его развертывания, не имеют значения, и травмирующая сознание неопределенность снимается. Можно сказать, что события темпорально организованного мифа не возникают, а воспроизводятся, согласуясь и повинаясь его переживанию, ««проживая» мифы, мы выходим из времени хронологического, светского и вступаем в пределы качественно другого времени, времени «сакрального», одновременно исходного, первоначального и в то же время бесконечно повторяющегося» [Там же].

Повторяемость, воспроизводимость дуально организованных мифологических сюжетов позволяет пользователю социума вносить определенность в картину мира. Длительность – качественная характеристика времени, следуя взглядам А. Бергсона, позволяет выводить темпоральность из зависимости от изменчивости форм пространства и очищать время от гетерогенной множественности пространства [2, с. 50].

Таким образом, мифологии позволяют нам восстанавливать комфортное единство пространства-времени и предоставляют компетенции освоения очередной порции определенности. И если в обществе информационной избыточности пространство и время презентуются отдельно, то мифологическое бергсоновское «дление» выступает абсолютной потребностью погруженного в медиасферу участника отношений, у которого нет иных вариантов, иначе как преодолеть противоречие количества (избыточности) и качества (структурности).

По замечанию В. И. Вернадского: «Очевидно, раз пространство и время являются частями, проявлениями и разными сторонами одного и того же неделимого целого, то нельзя делать научные выводы о времени, не обращая внимания на пространство. И наоборот: все, что отражается в пространстве, отражается так или иначе во времени» [4, с. 524].

Подобное мифологическое удобство с повторением одних и тех же элементов повествования в «новой» структурной позиции и разнородных фрагментов в аналогичных структурах повествования дает пользователю мифологий и новые оттенки смыслов, и ясное выделение различий предметов, состояний и процессов. То есть дление, мифологическая воспроизводимость, повторяемость в своей кажущейся одинаковости и единообразии становится универсальным фоном, площадкой для фиксации различий чего бы то ни было.

Следует заметить, однако, что темпоральная адаптивность значимых социальных мифологий протекает на фоне информационной избыточности. Происходит медийно обусловленный рост объемов информирования, который мы понимаем, вслед за Н. Винером, как прирост определенности. «Обученное существо – это не мифическое многоглавое чудовище древних, не заботящееся о том, куда оно движется. Обученное существо движется вперед от известного прошлого в неизвестное будущее, и это будущее не равнозначно прошлому» [5, с. 60-61]. Это связано с преобразованием пространственных и временных отношений между явлениями и вещами. Мифологии в данном случае обслуживают задачу темпоральной достройки, дополняя картину реальности, подлежащую передаче по каналу связи. Без принятия специальных когнитивных мер по преобразованию времени пространство восприятия пользователя информации не сформируется.

Преобразование мифологического времени в реальное и актуальное происходит нелинейно, и, например, события прошлого, занимавшие годы и десятилетия, спрессовываются и могут передаваться параллельно с текущими явлениями, будучи ими рядоположены. В таком случае даже пропуски и белые пятна находят свое место в картине восприятия и резервируются для дальнейшего декодирования актором. Значение аутопойесиса для информационного подкрепления и воспроизводства социальной системы подчеркивал и Н. Луман, говоря об атрибутивных привычках пользователя информации: «...наблюдатели, применяющие каузальные схемы, тоже, в свою очередь, должны функционировать как системы. Они, например, должны жить в соответствии с требованиями каузального декодирования системы по отношению к окружающему миру, иметь сознание и коммуницировать» [9, с. 97]. Осуществляемая как средство синтеза социальная коммуникация в модусах информации, сообщения и понимания регулируется посредством темпорально организованной социальной мифологии. И если учесть, что «социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации» [10, с. 12], то структурное состояние информации в коммуникации, мера ее упорядоченности определяется развертываемыми мифологиями.

Дополнение неполноты избыточной информации в таком случае происходит через аутопойесическое овладение временем-длительностью. Возникает гармония в восприятии реальности, ведь этим «объясняется различие между тем, что наблюдатель видит в качестве окружающего мира, и тем, с чем сама система обращается как с окружающим миром, совершая колебания между самореференцией и внешней референцией и выбирая на определенное время основные задачи в том или ином направлении, но при этом оставляя за собой возможность пересмотреть и изменить направление» [9, с. 85]. Многократное воспроизведение темы мифа во внешне разнообразных медийных формах, создающих впечатление пестроты, хаоса и неупорядоченности, неизменно преодолевается мифологическим «возвращением», его возможностями моментальных переходов в линейной инвентаризации событий.

Дуальная оппозиция, лежащая в основании мифа, обеспечивает главное – восстановление целостности восприятия реальности, в которой пользователь социального пространства получает универсальный

инструмент, возможность предсказания «последующего» по «предыдущему». Скрытое, непроявленное в потоке сообщений, наконец, проявляется, и мир становится прозрачным, а миф наблюдаемым, где «видимый миф» позволяет развертывать временные последовательности медийных сообщений в наблюдаемые непосредственно пространственные структуры. Медийное сообщение, прошедшее мифологическую переработку, обеспечивает пользователю социальных отношений интенсивное дополнение, динамику достройки комфортных пространства-времени.

В интуитивистском подходе Анри Бергсона доказывается, что «сознание – это свет, присущий зоне возможных действий или потенциальной активности, которая окружает действие, реально выполняемое живым существом. Оно обозначает колебание или выбор. Там, где вырисовывается много одинаково возможных действий, и нет ни одного действия реального, сознание бывает интенсивным. Там же, где реальное действие является единственно возможным, сознание отсутствует» [3]. Темпоральная организация мифа, таким образом, позволяет сжимать время, делая его компактным, компенсируя дискомфортную избыточность информационной среды, ситуативно развертывать сообщения в умопостигаемые, схватываемые длительности и делать социальное пространство видимым, наблюдаемым в качестве естественно данной реальности. Если учесть колоссальную величину прироста информационных объемов в современном обществе и давление фактов прошлого, «скажем, прежде всего, что если дана память, то есть сохранение образов прошлого, эти образы будут постоянно примешиваться к нашему восприятию настоящего, и могут даже вытеснить его, то становится понятным значение пространственно-временных конфигураций мифологий» [Там же]. Ведь если «образы прошлого сохраняются только для того, чтобы быть использованными, они непрерывно дополняют опыт настоящего, обогащая уже приобретенным опытом; и так как этот прошлый опыт не перестает увеличиваться, в конце концов он перекрывает и насыщает собой опыт настоящего», – отмечает Бергсон [Там же].

Когнитивный потенциал темпорально организованного мифа для поддержания устойчивости социальных отношений как на микро-, так и на макроуровне не оценим, позволяя участникам отношений проводить точную настройку и распознавать «реальность», постоянно дополняя и перестраивая ее. И лейтмотивный принцип развертывания, и тяготение к устойчивым, возвращающимся элементам с темпоральным преодолением когнитивного диссонанса, и продвижение во времени, требующее достройки и заполнения «прошлого», все эти черты социального мифа содействуют росту глубины, масштаба и скорости восприятия сообщений при сохранении «свободы» интерпретаций актуальной действительности. Видимый миф, являясь как минимум двумерным, включающим не одно лишь время, но и частоту, интервальность, позволяет общественному сознанию совершать буквально мгновенные переходы в новую реальность. И хотя, объективно говоря, процессы не прерываются, но, будучи включенными в темпоральную мифологическую согласованность, представляются пользователю социальной реальности прерывистыми, скачкообразными, зачастую совершенно непредсказуемыми, когда перед взорами вдруг возникает преображенная картина мира.

По словам А. А. Зиновьева, анализировавшего построение социальной реальности пользователями языка и смыслов, им порождаемых, «сравнительно со временем существования объектов в рамках устойчивого качества время на переход в новое качество обычно невелико, выглядит как исторический миг. Элементы нового качества вызревают в рамках привычной среды, и люди не воспринимают их как приближение нового качества» [6, с. 36]. И хотя социальный миф как темпоральное и интервальное явление непосредственно не сохраняется, он может быть воспроизведен в режиме общественной, групповой и индивидуальной памяти, преобразуя развертывающееся сообщение в пространственные, вещные, осязаемые структуры – видимые мифы. Это само собой разумеющееся для участника социальных отношений знание позволяет актерам различных уровней и масштабов комфортно организовывать как концептуальное, так и перцептуальное время, схваченное, наблюдаемое и развертываемое в пространство материальности. Социальный миф в таком случае, формируя ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, отсылает пользователя к смысловому ядру, из которого генерируется социально значимая, актуальная информация [1, с. 455-456]. Не занимая пространства непосредственно, социальный миф содержит его концептуально и благодаря темпоральной организации может разворачиваться в перцептуально видимое, наблюдаемое пространство актуальных взаимодействий. Фактическое ядро, точка, ничто содержит в свернутом виде неизмеримое количество социальных практик, проектов, идеологий и типизаций, формирует общность «мы», присоединяя к ней все новых акторов. «Посторонний человек, который хочет быть принятым группой, должен получить в процессе аккультурации (так же, как и ребенок) знание не только о структуре и значении подлежащих интерпретации элементов, но и о схеме интерпретации, преобладающей в мы-группе и принятой ею как данность» [13, с. 265]. Можно полагать, что значительная информационная емкость и темпоральная организация социального мифа непосредственно связаны с пространственно-временными интерпретациями реальности социальными актерами и возможностями построения «видимого мифа» – как воплощения перцептуального пространства-времени.

Таким образом, дуальная амбивалентность элементов мифа в конечном счете делает фактически неограниченным конструирование разнообразных систем отношений между ними с возможностью овеществлять и упорядочивать любые социальные практики. Социальный миф здесь выступает в качестве специфического способа, организующего пространственно-временной континуум общества, хотя и по-разному проявляющийся в различных институциональных практиках, но всякий раз оказывающийся непременным условием любой социальной целостности и скоординированной активности. Можно полагать, что дальнейший анализ проблемы темпорального потенциала с применением категорий структуры и элементов, во-первых, и пространства-времени во всех его социально-философских аспектах, во-вторых, в конце концов позволит приблизиться нам к полному раскрытию сложнейшего процесса социальных преобразований на микро- и макроуровне постижения.

Список источников

1. **Барт Р.** Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс»; Универс, 1989. 616 с.
2. **Бергсон А.** Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 50-160.
3. **Бергсон А.** Творческая эволюция [Электронный ресурс]. URL: http://librebook.me/creative_evolution/vol1/1 (дата обращения: 01.07.2019).
4. **Вернадский В. И.** Проблема времени в современной науке // Известия Академии наук СССР. Серия 7. Отделение математических и естественных наук. 1932. № 4. С. 511-541.
5. **Винер Н.** Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 199 с.
6. **Зиновьев А. А.** Логическая социология. М.: Социум, 2002. 266 с.
7. **Кнорр-Цетина К.** Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1. С. 101-124.
8. **Леви-Строс К.** Первобытное мышление / пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. 392 с.
9. **Луман Н.** Введение в системную теорию / под ред. Д. Бергера; пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 360 с.
10. **Луман Н.** Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
11. **Флад К.** Политический миф. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.
12. **Шюц А.** Избранное. Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
13. **Шюц А.** Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
14. **Элиаде М.** Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. 240 с.
15. **Colucci C. C.** Shaping Colombia's Stability through Strategic Communication: Evaluating U.S. Effectiveness. Leavenworth, Kansas, 2009. 28 p.
16. **Pfetsch B.** Politische Kommunikationskultur // Politische Sprecher und Journalisten in der Bundesrepublik und den USA im Vergleich. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003. S. 510-511.

TEMPORAL ORGANIZATION OF SOCIAL MYTH

Ryabtsev Sergei Viktorovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kirillov Pavel Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Dubna State University
matilda-9972@mail.ru; kirillov_pe@mail.ru

The article analyses the functioning and reproduction of mythological conceptions establishing idealized life activity models in social consciousness. The authors point out that comfortable social interaction implemented by means of temporal transformations of mythologies is achieved through cognitive and factological extension of social reality. The time factor role in the process of actual mythology formation is identified. The paper introduces the conception of a visible, visual myth implemented in social practices and concludes about the considerable role of temporally organized social mythology in the process of reproducing social relations.

Key words and phrases: social myth; temporality; perceptual time; conceptual time; visible myth; picture of reality.

УДК 167.7

Дата поступления рукописи: 20.05.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.23>

В статье рассматривается актуализация социокультурных смыслов демаркации научного и ненаучного знания в современной философии. Выявляются интеллектуальные и социальные предпосылки этой актуализации. Характеризуются основные варианты решения проблемы демаркации в истории философии (Бэкон, Декарт, неопозитивизм, постпозитивизм). Анализируются паранаука, псевдонаука и девиантная наука как основные составляющие массива ненаучного знания. Отмечается социальная значимость демаркации науки, связанная с ее возрастающим авторитетом и ролью в решении современных социокультурных, антропологических и цивилизационных проблем. Определяется рациональность как ведущий критерий научного познания и ценность современного общественного развития.

Ключевые слова и фразы: демаркация; наука; ненаука; лженаука; паранаука; девиантная наука; рациональность; верификация; фальсификация.

Салпагарова Людмила Андреевна

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, г. Черкесск
lyudmila.salpagarova@yandex.ru

**САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ:
ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ**

Актуальность исследования проблемы демаркации науки определяется тем, что реальные изменения, происходящие в самой науке, с одной стороны, и антисциентистская критика науки – с другой, приводят